

фессиональной, конфессиональной, гендерной и др.), под вопрос ставится сама возможность использования бинарных оппозиций. И хотя данные теоретические проблемы выходят за рамки исследования Л. Гудкова, они вплотную подводят нас к осознанию того, что понятие идентичности не универсально и что акцент порой должен быть смещен в сторону деидентификации, имеющей прямое отношение к неартикулируемым и некодифицируемым социальным процессам.

Артем Магун

Различать или разрывать? Последняя книга Джорджо Агамбена

Последняя книга Джорджо Агамбена «Чрезвычайное положение» («Stato di eccezione», 2003; французский перевод: «Etat d'exception», 2003¹; английский перевод должен вот-вот появиться) – продолжение его известной книги «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь» (1995)². Уже на титульном листе «Homo Sacer» стояла цифра I. С тех пор вышел третий том «Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель» (1998) и вот теперь первая часть второго тома, «Чрезвычайное положение».

В каком-то смысле основная мысль этой книги была уже намечена в первом томе, собственно «Homo Sacer». «Чрезвычайное положение» прежде всего является приложением и углублением уже высказанных Агамбеном идей. Тем не менее, как любое «позднее» произведение, новая книга вводит в прежние мысли тонкие нюансы, уточняет формулировки, локализует апории. Она в высшей степени заслуживает прочтения. Эта книга не только доставляет удовольствие – как и прочие книги Агамбена – умопомрачительной эрудицией и прозрачным нарративным стилем, в который облекается логика, но кроме того чарует постоянным возвратом к центральному, спорному и трудному тезису.

¹ Giorgio Agamben. Stato di eccezione. Torino: Bollati Boringhieri, 2003; Giorgio Agamben. Etat d'exception. Homo Sacer II, 1. P.: Seuil, 2003. Не зная итальянского, я пользовался французским переводом.

² Agamben G. Homo Sacer, Le pouvoir souverain et la vie nue. P.: Seuil, 1997.

Русскоязычный читатель, к сожалению, не знаком со ставшей уже классической книгой «Homo Sacer I». Подытожу ее очень кратко и приблизительно. Агамбен возвращается там к шмиттовскому понятию суверена как исключенного из закона, «принимающего решение о чрезвычайном положении»³ и показывает, опираясь прежде всего на материал ранней древнеримской истории, что суверен в этом отношении подобен изгою и отверженному, стоящему вне закона и сведенному к чистой, «голой жизни». Такого человека в Риме называли *Homo Sacer*. Фигура суверена и отверженного есть, по сути, одна и та же фигура, фигура власти и ничтожества одновременно. Чрезвычайное положение, в которое помещена эта фигура, является истинным основанием любого закона. Это зона неразличимости между правом и жизнью, чистая граница права. Далее, опираясь на знаменитый восьмой тезис из текста «О понятии истории» Вальтера Беньямина⁴, Агамбен утверждает, что в современности чрезвычайное положение все более становится правилом. Глобальное распространение абстрактного права приводит к тому, что в каждом конкретном случае оно должно освобождать от своего выполнения, без конца плодить исключения. Когда теряется граница между правом и жизнью, исчезает и то и другое, и появляется странный мир чрезвычайного положения, где право не исполняется, а человеческая жизнь превращается в чистую «биологию», подпадая под ведение экспертной биовласти. Из книги «Homo Sacer» не очень понятно, какова этико-политическая позиция самого Агамбена. Похоже, что он склоняется к апокалиптизму и предлагает радикальный отказ от всего современного порядка: как минимум, он предлагает искать выход «за пределы суверенитета» и «мыслить онтологию и политику вне всякой фигуры отношения»⁵. Но что это значит, не вполне ясно.

Новая книга подробно останавливается на группе понятий, связанных не с сувереном и отверженным, а с самой зоной их локализации – «чрезвычайным положением». Тут сразу надо отметить, что хотя «чрезвычайное положение» – стандартный перевод технического термина «stato di eccezione», более точным был бы

³ Шмитт К. Политическая теология. - В кн.: *Его же*. Политическая теология. М.: "Канон-Пресс", 2002, с. 1–99.

⁴ Беньямин В. О понятии истории // НЛО, 2000, № 46.

⁵ Agamben G. Homo Sacer, pp. 57–58. О политической позиции Агамбена и его чтении Шмитта см. также мою статью «Новый строй земли» (Полис, 2003, № 2, с. 112–123).

перевод «исключительное положение». «Исключительное» имеет более строгий смысл, чем «чрезвычайное», отсылая не к обычаю, а к логическому или юридическому *правилу*.

Агамбен подробно описывает историю термина и его более древних синонимов. Само по себе «чрезвычайное положение» возникает в праве недавно – его появление связано с Французской революцией (неудивительно, замечу от себя, потому что революции во Франции и Америке породили первые письменные конституции, а чрезвычайное положение – именно конституционная норма). Во Франции говорили собственно об «état de siege», «осадном положении», в то время как в Германии позднее выбрали более «философское» определение «Ausnahmestand», «исключительное положение».

Но прецеденты «чрезвычайного положения» были и в римском праве. Ближе всего к нему подходило понятие «iustitium», буквально «остановка права» (та же структура, что в «solstitium», солнцестояние), которое широко применялось в республиканский период, затем, как ни странно, оно стало означать «траур», особенно траур по императору, а в новых языках неожиданно приобрело значение «справедливость». Споря с Шмиттом, Агамбен указывает на разницу между «iustitium» и диктатурой – диктатура была моделью наделения властью диктатора сенатом, вторичной по отношению к самому «чрезвычайному положению».

Кроме этого понятия римского права, Агамбен пытается ассимилировать в свою систему даже известную пару понятий auctoritas/potestas. По его мнению, auctoritas, эта надюрисдикционная форма господства, есть не что иное, как римский вариант суверенитета.

Теоретический фон масштабного историко-понятийного экскурса Агамбена – это прежде всего Карл Шмитт и Вальтер Беньямин. Агамбен драматизирует их отношения и реконструирует диалог между ними, длящийся, по его мнению, на протяжении всей жизни каждого мыслителя. К общеизвестной информации о письме Беньямина Шмитту 1930 года, о ссылке Беньямина на «Политическую теологию» Шмитта в «Истоке немецкой барочной драмы», а также о ссылках на Беньямина в поздней книге Шмитта «Гамлет и Гекуба» Агамбен добавляет, что Шмитт в 1973 году писал корреспонденту, что его книга о Гоббсе была незамеченным ответом Беньямину, а также высказывает гипотезу, что «Политическая теология» могла быть, в свою очередь, ответом Шмитта на эссе Беньямина «К критике насилия», которое Шмитт, вероятно, знал.

Говоря в общем, Агамбен противопоставляет *негативную* концепцию чрезвычайного положения у Беньямина *позитивной* его концепции у Шмитта. Для Шмитта чрезвычайное положение –

политический аналог чуда, а для Беньямина оно катастрофично. Шмитт считал норму о чрезвычайном положении необходимой, потому что она позволяет праву выходить за собственные пределы и устанавливать отношения с внеправовым (поскольку право не совпадает с универсумом). Для Беньямина же, пишет Агамбен, чрезвычайное положение есть зона абсолютной подвешенности, неопределенности между аномией (бесправием) и правом. У Шмитта – артикуляция, у Беньямина – кризис.

Если Шмитт, по мнению Агамбена, хочет империалистически подчинить внеправовое праву через фигуру чрезвычайного положения, то Беньямин, в «Критике насилия», напротив, ищет точку, полностью внеположную праву и находит ее в «чистом», неинструментальном насилии. Он стремится разорвать отношения между *правом* и жизнью вне права, которая предстает тогда как *насилие*.

Так же как западная метафизика, заметив внеположность, трансцендентность бытия сущему, выстраивает фигуры абсолюта, чтобы ввести это внешнее в систему логоса, так же право, с точки зрения Агамбена, придумывает фикцию чрезвычайного положения, чтобы притворно подчинить себе, во-первых, насилие, а во-вторых, пустоту *аномии*.

Агамбен указывает на две противоположные интерпретации чрезвычайного положения: «плероматическую» и «кеноматическую». В соответствии с первой, чрезвычайное положение возвращает правителю «полновластие» (*plenitudo potestatis*) абсолютного правителя. В соответствии со второй, чрезвычайное положение скорее производит правовую пустоту, аномию. Агамбен считает правильной (и приписывает Беньямину) вторую позицию, а первую, мифологическую, приписывает Шмитту.

Что же делать? Агамбен несколько раз возвращается к довольно сильным политико-этическим утверждениям. Конечно, говорит он, нет речи о том, чтобы полностью отвергнуть чрезвычайное положение, эту зону кризиса права, и вернуться к нормативному праву или к жизни, как она есть. Это невозможно, потому что чрезвычайное положение основывает, конституирует и право, и «жизнь» (об этом Агамбен говорит здесь более четко, чем в предшествующих книгах). Тем не менее, подлинный, «политический» выход из чрезвычайной ситуации заключается, по Агамбену, в том, чтобы *разорвать* отношения между правом и жизнью, правом и насилием, властью/возможностью и действием. Тогда возникнет (впервые!) неупотребляемое, неисполняемое право, с одной стороны, и неинструментальное, самодостаточное действие, с другой. «Неимперативной речи, которая ничего не приказывает и не запрещает,

соответствовало бы действие как чистое средство, которое предъявляло бы только само себя, без отношения к какой-либо цели» (р. 148). Вот такой, несколько мистический, утопический антиструктуралистский призыв, в духе, я бы сказал, иенского романтизма, звучит со страниц этой книги – даже более отчетливо, чем в прошлых книгах.

Что можно на все это сказать? Прежде всего, представляется, что Агамбен проявляет терминологическую непоследовательность в использовании понятия «аномия». Как правило, он употребляет его синонимически по отношению к «жизни» и «насилию», чтобы обозначить их противоположность праву. Но на странице 102 он предлагает считать аномию средним термином, а именно зоной подвешенного закона, по-видимому, совпадающей с чрезвычайным положением, исключением. Тогда создается троичная структура в духе Канта: закон, жизнь (насилие) и аномия, обеспечивающая их отношение. И это довольно убедительно. И все же остается вопрос об онтологии Агамбена: имеем ли мы дело с контактом двух субстанций (закона и жизни, знака и вещи) или с трансценденцией одной субстанции в неизведанную пустоту? Или вообще с реальностью границы, которая производит обе субстанции как артефакты?

Если мы стоим на собственной позиции, работаем с уже имеющимся строем, с уже написанной буквой, то лучше все-таки выходить за собственные пределы и открываться тому, что творится вне твоей структуры, чем отказываться вступать в отношения с иным и бороться за взаимную чистоту. Позиция Агамбена, исходящая из двух противоположных субстанций сразу, кажется непозиционной, аполитичной.

Идея чрезвычайного положения заключается в том, чтобы закон имел как бы латеральное зрение, пластичность и способность к трансформации. Никакой метафизической «аннексии» трансцендентного здесь нет. При этом нужно, конечно, быть чувствительным и к незаконности самого закона. Но все же стараться непрестанно, вновь и вновь, проводить суверенную границу между правовым и чрезвычайным, чтобы поддерживать смысл и того и другого. Таков императив Шмитта. Агамбен же идет дальше простого различения: для него граница осмыслена, только если она становится полным разрывом. Но ведь верно и обратное: нет разрыва без различения и вступления в отношения. Как политика требует и признания врага, и непризнания его, так и право требует применения и неприменения одновременно. Подвешивание этих антиномий не обязательно должно вести к разрыву их членов; достаточно, на мой взгляд, аритмического колебания между ними.

Денис Голобородько

«Les anormaux» Мишеля Фуко: «ненормальные» или какие-то другие?

Мишель Фуко. Ненормальные.

Пер. с фр. и послесловие А.В. Шестакова, предисловие В.Ю. Быстрова.

СПб.: «Наука», 2004. – 432 с.

Мировая известность и влияние, которыми на протяжении вот уже полувека пользуются идеи и творчество М. Фуко, сложились не только благодаря его знаменитым книгам «История безумия», «Надзирать и наказывать», «Слова и вещи», «История сексуальности» и др. Не меньше, чем автор книг, Фуко при жизни был знаменит как лектор и преподаватель. И эта часть его интеллектуальной деятельности происходила на вершине академической жизни Франции – в Коллеж де Франс.

В святая святых французской Академии Фуко вступил 2 декабря 1970 года, произнеся свою знаменитую речь «Порядок дискурса» и официально возглавив кафедру Истории систем мысли. Она была учреждена вместо кафедры Истории философской мысли, оказавшейся вакантной после смерти 27 октября 1968 года возглавлявшего ее Ж. Ипполита. Нужно сказать, что Ипполит, один из столпов французской Академии, еще в 1966 году огласил имя Фуко в качестве кандидата на должность преподавателя Коллежа. Название кафедры было предложено самим Фуко, который в заключении своего конкурсного проекта, представленного в коллегию профессоров Коллежа, написал: «<...> нужно заняться историей систем мысли».

С этого момента вплоть до своей смерти Фуко каждый год читал в Коллеж де Франс отдельный новый курс¹, специфика которого, согласно уставу данной институции, состояла в том, что он должен был не просто повторять уже проделанную и опубликованную работу, но отражать и представлять текущие исследования того или иного преподавателя Коллежа.

При жизни Фуко написанные им краткие содержания каждого из курсов издавались в ежегодниках Коллежа. После его смерти они были изданы отдельно под названием «Résumé des cours». Выдержки из курсов публиковались и на страницах периодических

¹ За исключением одного-единственного года.